

BAHUTUK

«Единственные нормальные люди — это те, кого вы не очень хорошо знаете».

Альфред Адлер

Преамбула

Теперь Коля работал в бане, большой городской бане. Его так и звали — Коля-банщик. Он пришел к этой точке своей карьеры путем нехитрых сплетений жизни. Школа, институт, непризнание очевидного ему, признание всякого дерьма окружающими, признание ненавистного и подлого.

Последней каплей стало присвоение его разработки уплотнения бетона начальником отдела и увольнение после рассказа об этом случае в кулуарах какой-то научно-практической конференции,

пересказанного в телеграм-канале одним из слушателей его печальной повести.

Затем была обида на весь мир. Уход в себя — и в результате алкоголизм как защитный механизм ранимой души.

Встреча с Раисой. Обнаружение нового себя в другом не себе. Простое счастье, вылепленное из несчастья, ну как петухи у того умельца, кто лепит их из говна.

Вся эта алхимия бытия и привела Колю в баню. И стало ему в бане хорошо. А дома (у него появился дом) с Раисой было еще лучше ему, чем в бане.

Первый пар

На первый пар ходили знатоки. Коля любил эти утренние часы. Народ был могучий или умный, а часто совмещал и то и другое. В предбаннике они были профессорами и массажистами, рабочими и инженерами, математиками или артистами, но в бане они становились просто счастливыми голыми мужиками. Одинаковыми. Мечтательными, расслабленными и добрыми.

Веники и крики в парилке, радостные вопли из бассейна. Да, в Колиной бане был бассейн — а что, так не бывает, что ли?

Петрович ходил в эту баню еще до Коли, задолго. Он был фанат, а теперь и пенсионер. Он научил Колю правильно смотреть на процесс. Любить баню и клиентов.

Так случилось, что Коля привыкал долго. Он не был рожден для сервиса. Петрович очень помог. Коля слушал и не понимал. А потом начал понимать.

Посетители бани — они как дети. Вот и всё. Понять — это уже полпути. А еще поняв, что это работа, а не унижение, перестаешь чувствовать себя унижен-

ным. И всё. Только любовь к ближнему. А нелюбовь к дальнему — она гаснет и теряет смысл.

Дети

В общем, первый пар — это первый пар, но баня на нем не останавливается, день катится дальше, волны парильщиков сменяют друг друга, как волны пара в парилке.

Смена проходит незаметно. Все идет по накатанной. Они все одинаковые и разные. Всегда уставшие в начале и чистые в конце.

Ему иногда наливают, он всегда отказывается. В этом смысле баня — испытание для бывшего алкоголика. Хотя говорят, что бывших не бывает.

— Коля, принеси нам еще пива! — кричат ему из угла раздевалки. Там часто одна и та же компания.

— Хорошо.

— Посиди с нами.

— Не могу, пора парную мыть.

— Да ладно, никуда она не денется.

Он молча смотрит и уходит.

— Вот так всегда: только дашь слабинку, подумаешь о них как о взрослых — и тут же они себя проявляют, — говорил про себя Коля, намывая парилку. — Дети, мать их.

Раиса

Как она появилась в его жизни, он точно не знал. Смутные очертания, невнятные речи. Потом, когда он вернулся из мира забвения белой реки (прекратил пить), она как будто была всегда, и он всегда был, и они были всегда вместе. Не было прошлого, было сегодня и намеки на завтра.

Она отвела его в баню, не в баню — баню, а в баню — работу.

Сама она работала в цветочном магазине. Она была флорист. Цветочница. От нее всегда пахло свежестью, лугом, травой, цветами. Как будто Коля знал, как пахнет луг. Но предки знали, все предки это знают и передают, записывая на вечных спиралях ДНК. В общем, он не знал, но помнил.

Она не была красавицей. Она была милой оптимисткой, а такой теперь не сыщешь. Красоту можно найти, а милый оптимизм — нет. Сейчас Коле казалось, что он любил Раису всегда и она его. Хотя это изумляло его больше всех остальных событий его жизни.

Они жили. Ходили на работу. К друзьям. Ездили на природу. Гуляли в парке. Он смотрел на нее и хотел смотреть еще.

Он представлял все это без звука. Немая картинка. Ее руки, поворот головы, взгляд, движение, улыбка вызывали в нем чувство покоя. Такого настоящего, не покоя, добытого объяснениями и логикой, самоуспокоением, а покоя, идущего откуда-то из глубины, из вечности, из всегда бывшего вечного. Вот такой это был покой.

Деньги

Появились деньги. Коля не знал, что с ними делать. Отдавал Раисе. Она купила диван. Уютно стало. Деньги появились и не исчезли. Коля купил ей цепочку с кулоном. Она была рада, но носить не стала.

Не исчезали больше деньги, и они поехали отдыхать. В пригородный санаторий. Раисе не понравилось, а ему везде было хорошо, где она.

Начальство его любило. Главный бухгалтер с фантастическим именем Аделаида звала его к себе. Он отказался. Она была недовольна. Тогда он на подсо-

знании, на рефлексках купил ей браслет и подарил, не забоялся. Она отошла и Колю простила. Они стали дружить.

Аделаида делилась сплетнями. Как потом выяснилось, не всеми. Умная или просто женщина добрая. Короче говоря, деньги Колю не испортили.

Прошное

Раиса зашла за ним в конце рабочего дня. Это было обычным делом, но он почему-то насторожился. Они пошли домой через парк, и она спросила его про работу. Он ответил, что сегодня было шумно. Это означало, что народу было больше, чем обычно.

— А Петрович был? — спросила она.

— Нет, он ходит по пятницам, ты же знаешь.

А что?

— Ничего, просто так спросила, он же хороший товарищ.

— Ну да, — пожал плечами Коля.

— Он тебе ничего не говорил?

— Про что?

— Про нас.

— Нет.

— Мы с ним жили вместе, до тебя.

— Я не знал.

— Я поняла.

— А почему ты решила рассказать?

— Ну лучше я, так я подумала.

— Мне не важно, что было с тобой раньше, у меня нет прошлого.

— У всех есть прошлое.

— У меня нет.

— Не ври.

— Я и не вру.

— Ну хорошо. Я рассказала тебе это потому, что он не остыл. Поэтому прошлое есть, хотя бы поэтому оно есть и у тебя.

— Он хочет тебя вернуть?

— Да.

— А ты?

— А я не хочу. Вернее, в этом смысле и у меня нет прошлого, оно исчезло с твоим появлением.

— Вот видишь, — он засмеялся. — То прошлое есть, а то его нет.

— Мы признаем или не признаем, а оно есть.

— Оно объективно.

— Нет, оно субъективно, но объективно существует в памяти других. Например, Петрович в данном случае пытается нас вернуть себе.

— Откуда ты такая умная?

— Сама не знаю, наверное, от цветов, — она улыбалась.

Событие

Петрович сидел в парилке. Как обычно. Долго. Потом вышел. Встал под холодный душ. Потом бассейн. Потом, завернувшись в простыню и тяжело дыша, пошел в раздевалку, встречая по пути опоздавших участников их утреннего неформального клуба.

— Ну как же так, Альфред? — укорил он одного из них.

— Пробки, — сказал Альфред.

— Вставай пораньше.

Добравшись до своего места, он увидел Колю.

— Коля! — позвал он.

— Да? — сказал Коля.

— Посиди со мной.

Коля подошел и сел рядом. Времени у него не было, часы утренние были ударными.

— Я понимаю, времени у тебя нет, — сказал Петрович.

Коля молчал.

— Я хочу сказать тебе про Райку. Я понял, что люблю ее. А ты знал, что она просила устроить тебя сюда?

— Нет, — сказал Коля.

— И я устроил и помог тебе войти со вкусом.

— Правда, и я благодарен.

— Я хочу ее вернуть.

Коля пожал плечами:

— Она взрослая.

— А ты?

— Меня нет.

— Вот именно. А она есть.

— Может быть, — сказал Коля.

— В общем, я тебя предупредил.

— О чем?

— Я не отстану.

— Я тоже.

— Тогда мы поссоримся.

— Ну, значит, так.

Коля встал.

— Я пошел работать, а ты, Петрович, не думай, что твое прошлое тебя оставит. У тебя оно есть.

— И у тебя есть, — сказал Петрович. — Принеси мне пива.

Петрович

Он страдал раздвоением личности, хотя сам себя считал аутистом. Одно из его «я» по-прежнему было вместе с Раисой. Он засыпал с ней и просыпался. Постоянно разговаривал с ней. Другое его «я», осознав, что ее больше нет с ним, потребовало ультимативно ее возвращения.

Он стал писать, звонить, подкарауливать. Раиса жалела, что просила Петровича помочь Коле и разбудила его интерес к себе. Они уже несколько лет спокойно жили врозь. Она не знала о «раздвоении», это случилось перед их расставанием. Наверное, созревание болезни и было тому причиной.

Петрович ждал ее в подъезде. Оглушил. Занес в нее с Колей квартиру. Раздел. Положил на кровать. Разделся и лег рядом. Потом отнес в ванну. Включил воду. Вскрыл вены. Выключил воду. Ушел.

Без конца

Он пил неделю, может, больше, может, меньше, он не помнил. Он зато помнил, почему он пил. Он оплакивал Раису. Он нашел ее в ванной. Она умерла. Он не знал, как. Не хотел знать. Но знал, что ее больше нет.

Он вышел из дома и пошел в магазин. Вернулся. Потом он не помнил ничего, кроме того, что Раиса там, в ванной. Иногда он вставал и открывал дверь в ванную. Она была там. Может, ему это снилось. Когда он открывал дверь в ванную, там было все в пару. И ничего не видно. Но она была там. Лежала на дне. Когда он снова заглянул туда через день или два, она спросила его:

— Зачем ты убил меня, Коля?

Он молчал.

— Зачем ты позволил меня убить?

Коля-банщик закрыл дверь в ванную и вернулся в комнату. Ее больше не было.

